

**Рецензия на диссертацию Л. Н. Берг
«Исследование правового воздействия:
методология, теория, практика»¹**

Актуальность и степень научной разработанности темы. Категория «правовое воздействие» относится к числу «предельных», т. е. весьма абстрактных по своему содержанию. Она описывает влияние целого спектра самых разнообразных правовых средств на поведение людей, на общественные отношения с целью их урегулирования и результаты этого влияния, а потому изучение данной категории можно отнести к числу фундаментальных проблем юридической науки. Исследование же фундаментальных тем в любой науке всегда является важным и актуальным. Именно в силу последних обстоятельств данная проблема не была оставлена без внимания нашим правоведением как советского (в основном), так и современного периода, однако внимание это было избирательным: больше «повезло» анализу отдельных компонентов правового воздействия (правовому регулированию и его механизму), чем исследованию всей их совокупности в целом, описываемой при помощи категории «правовое воздействие». Все эти теории, подходы и взгляды, т. е. теоретические истоки заявленной темы, очень внимательно анализируются диссертантом, начиная с работ дореволюционных юристов, которые, по словам автора, «не использовали понятие “правовое воздействие”, однако предпринимали значительные усилия по исследованию взаимоотношений государства и личности, права и общества, правового поведения субъекта и права в целом» (с. 6–7 текста диссертации). Подробно анализируется советский (отмечается вклад классиков этого направления – Н. Г. Александрова, С. С. Алексеева, Л. С. Явича и др.) и современный периоды в развитии исследований, в которых так или иначе затрагивается данная тема. Людмила Николаевна Берг показывает уровень разработки проблемы ее предшественниками, сложившуюся исследовательскую традицию в указанной частной теории в рамках теории права и государства в целом. Особый интерес представляет авторский анализ англоязычных исследований по теме, и с выводом, который был сделан Л. Н. Берг, следует вполне согласиться, а именно с тем, что общим моментом для всех названных иностранных «исследований является отсутствие общетеоретических определений понятия “правовое воздействие”» (с. 15). Этот вывод можно распространить и на современную французскую теорию права, которая не только не имеет общетеоретического понятия исследуемой категории, но и еще меньше, чем англоязычная доктрина, увлечена анализом права на уровне столь высоких абстракций в рамках специально-юридического, теоретического подхода. Так, ранее нами был принят анализ нескольких десятков ведущих учебников по теории французского права (которые во франкоязычной литературе называются обычно «Введение в право», «Общее введение в право» и т. п.) на предмет их структуры и наличия (но на деле, как показал анализ, отсутствия) обсуждения проблем правового воздействия, правового регулирования и его механизма, и этот анализ расширяет сделанный Л. Н. Берг в отношении англоязычных источников вывод, и поэтому

* **Алексей Павлович Семитко**, д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета, завкафедрой публичного права АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

¹ Берг Л. Н. Исследование правового воздействия: методология, теория, практика : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Берг Людмила Николаевна. – Екатеринбург, 2019. – 429 с. – URL: <https://msal.ru/content/ob-universitete/sovety/dissertatsionnye-sovety/podrobnye-svedeniya-o-zashchitakh-2019/?hash=tab3737>

можно сказать, что западная юриспруденция, как минимум в лице этих двух языковых направлений, не уделяет достаточного внимания общетеоретическому изучению исследуемого феномена².

Внимательный анализ трудов предшественников позволил диссертанту выделить неисследованные фрагменты и «поля» в избранной ею теме. Кроме того, современный период развития российской теории права характеризуется все нарастающим методологическим плюрализмом, что имеет свои как положительные, так и иные последствия, но в любом случае дает исследователю – в отличие от советского методологического монизма, в чем одновременно была его сила и слабость – новые гносеологические и методологические подходы и инструменты. Их следует использовать в реальном теоретическом поиске, что и делает автор диссертации, определяя предмет своего изучения «правовое воздействие, рассматриваемое с позиций инструментального, психологического и информационного подходов» (с. 17). Цель исследования – концептуальные теоретические положения и рекомендации, направленные на решение научной проблематики правового воздействия в современном обществе – разворачивается в солидном перечне задач (с. 16–17), который автор последовательно реализует в своей работе.

Научная новизна исследования выражена в 16 положениях (с. 20–26), почти треть из которых посвящены гносеологическим и методологическим проблемам избранной темы (положения 1–5). Рассмотрим подробнее их чуть позже, а сейчас отметим одну из наиболее ярких и, скажем без преувеличения, выдающихся особенностей данного исследования – его очень серьезную методологическую оснащенность. А эта последняя дает солидное приращение знаний, и, как верно указывается в специальных и, в известном смысле, лидирующих в нашей доктрине научных исследованиях, «именно степень методологической разработанности, методологическая оснащенность любой современной науки решающим образом определяет ее эвристический потенциал, исследовательскую состоятельность и перспективы развития»³. И после введения в учебные программы юридической магистратуры курса «История и методология юридической науки» наша доктрина развернулась, наконец-то, «лицом» к методологической проблематике, однако пока еще, за небольшими исключениями, в самом общем, т. е. неконкретизированном, ключе. В данной же работе мы видим приятное исключение, когда методологические основания рассматриваются не вообще, а в приложении к конкретной тематике. Это дало диссертанту мощные инструменты анализа и привело к ряду новаторских результатов, которые получены в ходе анализа исследовательской программы изучения правового воздействия, построения понятийного ряда последнего и его модели (см. 1–5 положения диссертационного исследования, вынесенные на защиту).

Положения 6–16 посвящены тем новациям, к которым Л. Н. Берг пришла в результате использования весьма проработанного и отчетливо предъявленного научной общественности методологического инструментария – это положения о компонентном составе правового воздействия (в рамках инструментального подхода) и их синергии (положения 6–9), о правовой информации как важнейшем компоненте, который придает единство правовому воздействию (положение 10). В 11 и 12-м положениях обосновываются новаторские идеи, связанные с динамизмом правового воздействия. В 13-м – автор доказывает, что субъект «оценивает степень значимости правовой информации и принимает решение о ее дальней-

---

² См.: Семитко А. П. Механизм правового регулирования С. С. Алексеева и структура теории права: сравнительный анализ // Теоретическая юриспруденция: традиции, современность, перспективы. Алексеевские чтения. Вып. 1. – Екатеринбург, 2014. – С. 9–20.

³ Тарасов Н. Н. История и методология юридической науки. Методологические проблемы юриспруденции. – М., 2019. – С. 7.

шем использовании с учетом трех важных факторов – субъективно-психологического фактора, фактора среды окружения и фактора собственной деятельности субъекта. Соответственно, одинаковое содержание правовой информации по отношению к одним субъектам является релевантным, значимым и направляющим их правовое поведение, другие субъекты такую же по содержанию правовую информацию игнорируют или искажают, оставляя социальные взаимодействия вне правового опосредования» (с. 23–24). С этим положением, как и с большей частью остальных новаций, следует согласиться, ибо автор приводит многоуровневую аргументацию, опираясь при этом не только на методологические, но и на необходимые теоретические и эмпирические основания. В 14-м положении диссертант указывает, что вводит в юридическую науку новое понятие: «направленное поведение» – поведение субъекта, которое осуществляется в результате правового воздействия. В последних двух положениях автор выделяет закономерности правового воздействия и показывает возможности, хотя и весьма ограниченные, прогнозной методики в рамках частной теории правового воздействия.

Общий анализ работы. Диссертация Л. Н. Берг состоит из двух разделов, пяти глав, объединяющих 15 параграфов, и заключения, в которых логично и последовательно решаются поставленные задачи и в итоге достигается поставленная цель исследования. Каждая глава завершается отдельным и очень важным структурным фрагментом – «выводами по главе». Список использованных источников насчитывает 664 наименования (в том числе около четырех десятков – на иностранном языке). Первый раздел посвящен «Методологическим основам исследования правового воздействия», а второй – теоретико-правовым и практическим проблемам правового воздействия в современном мире.

Нельзя не согласиться с Л. Н. Берг в том, что научное познание, имеющее целью «получение новых сведений об окружающем мире, должно иметь в своем содержании часть, которая предполагает осмысление и описание тех методов, приемов, которые используются исследователем... В силу этого исследование обязательно должно предполагать свою собственную фундаментальную часть, без которой построение современной теории правового воздействия невозможно» (с. 30). Добавим, что такой подход необходим для любого современного научного исследования, претендующего на фундаментальность и основательность.

В первой главе автор рассматривает онтологическую и гносеологическую основы формирования теоретической модели правового воздействия. В итоге представлена развернутая и весьма детализированная модель последнего, в которую входит девять блоков (включающих в себя набор – несколько десятков – взаимодействующих компонентов, с. 66–67) и с которой в общем можно вполне согласиться. Жаль, что Людмила Николаевна ограничилась лишь структурной моделью правового воздействия и не стала разрабатывать функциональную ее разновидность, указав только основные моменты, отличающие последнюю от представленного ею типа модели. И сразу же возникает вопрос об отличии модельного представления знания от «механизменного», т. е. о том, чем отличается модель правового воздействия от его механизма: в инструментальном подходе автор рассматривает модель и элементы ее структуры (с. 170–256), а в психологическом – механизм («психологический механизм правового воздействия», с. 259), а также вопрос об одном из компонентов четвертого блока «Результаты правового воздействия», к которым автор относит правомерное (с чем следует согласиться) и противоправное поведение как результат правового воздействия (с. 66). Речь идет именно о противоправном поведении как «результате правового воздействия», с чем трудно согласиться. Выскажем гипотезу, что противоправное поведение является, скорее всего, следствием «сбоев», дисфункций (о которых пишет автор на

с. 81–82) и т. п. недостатков правового воздействия, но не элементом (не результатом) его самого. Однако вернемся к этому более подробно в разделе «Дискуссионные положения».

Вторая глава посвящена изучению различных концептуальных схем, в которых обсуждаются система, структура и динамика правового воздействия. При этом Л. Н. Берг блестяще реализует системную методологию, что позволило ей сделать следующий вывод: «Основные элементы правового воздействия, составляющие его “каркас” и основу, обуславливают последовательное и непрерывное воздействие на субъекта, осуществляемое благодаря актам приема – передачи правовой информации, на основе которой корректируется коллективное и индивидуальное правосознание, формируются мотивы правового поведения, упорядочиваются социальные связи. В итоге происходит регуляция поведения субъектов правоотношений...» (с. 79; везде, где не оговорено специально, курсив диссертанта) и добавляет в сноске: «Важно понимать, что действие права (в широком смысле) приводит к формированию мотивов поведения разной направленности, в результате чего осуществляется как правомерное, так и противоправное поведение индивидов. И то и другое входит в орбиту правового воздействия». Здесь опять же идет речь о том, что результатом правового воздействия является «и противоправное поведение индивидов», что представляется нам логически парадоксальным, ибо правовое воздействие имеет целью правомерное поведение и если последнее не достигается, то следует говорить о сбоях и дисфункциях первого.

Можно согласиться в целом с выводами автора о том, что правовое воздействие – это «динамический, изменяющийся во времени и пространстве процесс влияния социально-нормативных регуляторов, в результате которого возникают упорядоченные связи между коллективными и индивидуальными субъектами. Степень упорядоченности социальных связей и направленность этой упорядоченности может быть разной» (с. 91); что оно есть, главным образом, «воздействие на сознание субъектов через потоки правовой информации. Получение субъектом какой-либо информации о характере правовых дозволений и запретов неизбежно приводит к эквивалентному снижению энтропии в общественной системе» (с. 97, 110). При изучении динамики правового воздействия интересен и поучителен предпринятый автором анализ его компонентов с помощью метода порядковых шкал в виде качественных рангов, путем сравнения уровней рядов динамики, а также с использованием правил построения динамических рядов и т. д. (с. 104–108). Тем самым, как верно подчеркивает диссертант, «достигается формализация научных теорий» (с. 104).

В той же главе автор предлагает «внести некоторые коррективы в понимание правового воздействия, которое должно включать такие социальные связи, которые упорядочены не только правом, но и иными социальными нормами, в том числе нормами *деструктивного содержания* и асоциальной направленности» (с. 82). В связи с последней констатацией возникает вопрос: если правовое воздействие «должно включать такие социальные связи, которые упорядочены не только правом, но и иными социальными нормами», то каким образом можно отграничить правовое воздействие от политического, экономического, нравственного, религиозного и т. п. неюридического воздействия, с одной стороны, а с другой – почему или на каком основании нормы “*деструктивного содержания* и асоциальной направленности”, т. е. неправовые или антиправовые по своему содержанию, включаются автором в **правовое** воздействие? В таком случае было бы вполне последовательным включать в право «нормы “*деструктивного содержания* и асоциальной направленности”», однако такая последовательность приводит к логическим парадоксам, когда неправое включается в право.

Исключительно яркой, интересной, насыщенной и глубоко проработанной по всем параметрам, необходимой для серьезного и основательного научного исследования, представляется мне глава 3 (другие главы диссертации можно охарактеризовать как «просто» глубоко проработанные по указанным параметрам), в которой Л. Н. Берг анализирует исследовательские программы изучения правового воздействия. В этом фрагменте диссертации автору удалось как нельзя лучше соединить методологический ракурс исследования с содержательным. При этом совершенно обоснованно отмечается, что «никогда ранее изучаемый предмет под этим углом зрения в отечественной теории права и государства не рассматривался» (с. 112), а, помня об отсутствии теоретического интереса англо-французской юридической науки к категории «правовое воздействие», можно добавить, что и в зарубежной литературе эта проблема оставлена без должного внимания, что придает особый вес авторским наработкам. Здесь сформулировано понятие и проведена классификация научно-исследовательских программ в юридической науке (с. 116–117), показано их отличие от проекта (с. 117–118), выработаны правила реализации научно-исследовательских программ (с. 118–123), приведены их наиболее выдающиеся исторические примеры (с. 123–127), обоснован ряд требований к содержанию научно-исследовательской программы правового воздействия (с. 127–128), проведен теоретико-правовой анализ средств правового воздействия в исследовательских программах ученых-юристов (с. 128–147) и представлена категория «правовое воздействие» в понятийном ряду теории права и государства (с. 167).

Во втором разделе рассматриваются теоретико-правовые и практические проблемы правового воздействия в современном мире, анализируются элементы структуры правового воздействия в рамках инструментального (выделяются и обосновываются такие элементы, как правовое установление, правовое регулирование, правовая охрана и правовая регламентация), психологического (выделяются и обосновываются три блока компонентов, объединяющих различные элементы) и информационного (правовая информация рассмотрена как «распыленная» в структуре и содержании всех без исключения элементов правового воздействия и являющаяся собой «субстанцию, связующую в единое целое “материал” правового воздействия», с. 279) подходов. Такой ракурс рассмотрения – через призму нескольких подходов – позволил Л. Н. Берг добиться объемного, «голографического» видения исследуемого предмета и сделать ряд очень важных выводов, в том числе указать, что поскольку «каждый из этих элементов выделяет (или преобразует) какую-то “долю” правовой информации (официальной или неофициальной) вовне, в социум, “во внешний мир”, происходит синергетический эффект умножения результативности правового воздействия на общественные отношения. ...Синергия объединенного действия частей (элементов) правового воздействия способна многократно усилить эффект такого воздействия на социальные связи, придав им четкость, упорядоченность и рамки» (с. 290), а также дать определение понятия синергии правового воздействия как «*эффекта повышения результативности за счет использования взаимосвязи и взаимоусиления “работы” разных элементов и компонентов правового воздействия на основе движения правовой информации*» (с. 291).

Последняя глава диссертации посвящена закономерностям развития и функционирования правового воздействия. Среди наиболее важных и интересных идей выделим идеи цикличности правового воздействия, детерминированности правового воздействия индивидуальным правосознанием, различение прогнозов динамического и статистического аспектов правового воздействия, технологию прогнозирования в области правового воздействия и другие. Важен также анализ взаимодействия теоретического и отраслевого знания в рамках юриспруденции.

Для всей работы в целом отметим такие положительные черты, как яркий и красивый стиль изложения, четкость и упорядоченность представления анализируемого материала, обоснованность предложений самого автора, бережное и корректное отношение к своим предшественникам, редкая – лишь по крайней необходимости – и всегда очень «бархатная» критика отдельных положений других авторов, табличное представление полученных данных (с. 143–146, 331–332 и др.), использование схем (с. 167). В последнем случае можно сказать даже, что авторская схема в какой-то мере «раздвигает» теоретическое «пространство» представленных категорий, с одной стороны, и сжато систематизирует сказанное ранее на нескольких десятках страниц – с другой. Обсуждение проблематики ведется, без всякого сомнения, на очень высоком методологическом и теоретическом уровне. И тем не менее отдельные положения диссертации Людмилы Николаевны носят дискуссионный характер, вызывают некоторые вопросы и требуют, как нам представляется, дополнительной аргументации.

Дискуссионные положения

1. В чем отличие модели правового воздействия от его механизма (о чем уже говорилось выше)? Так, автор дает весьма развернутую модель правового воздействия (девять блоков, включающих в себя несколько десятков взаимодействующих компонентов, с. 66–67), затем, в рамках инструментального подхода, анализирует отдельные элементы структуры правового воздействия (с. 170–256), а в рамках психологического – исследует уже механизм («психологический механизм правового воздействия», с. 259). При этом на с. 126 отмечается, что «характеризуя правовое воздействие, С. С. Алексеев сформулировал новое положение о том, что право само по себе является идеологической силой, воздействующей на общественные отношения помимо правового регулирования. Однако механизм такого воздействия в исследовательской программе автора книги не показан». (Заметим в скобках, что и Л. Н. Берг не уделила, с нашей точки зрения, должного внимания анализу идеологического воздействия права на общественные отношения.) На с. 135 подчеркивается, что Н. Г. Александров «разработал новаторскую концепцию механизма правового воздействия», которая позже Л. Н. Берг не обсуждается, и предложенная ею модель не соотносится с идеями Н. Г. Александрова.

В нашей науке сложилась своего рода традиция «механизменного» анализа правового воздействия и правового регулирования. И поэтому было бы интересно увидеть различие в представлении теоретического материала в виде модели и в виде механизма, если оно имеется, конечно. Если такого различия нет, то почему в одном случае говорится про модель, а в другом – про механизм? Ведь в науке, особенно в юридической, принято очень строгое использование терминов, и если они взаимозаменяемы как синонимы, то надо было бы предупредить об этом читателя.

2. Выше уже говорилось кратко, что в результаты правового воздействия диссертант включает и противоправное поведение тоже (четвертый блок модели правового воздействия состоит из правомерного и противоправного поведения, с. 66), а также что понимание правового воздействия должно, по мнению Л. Н. Берг, включать такие социальные связи, которые упорядочены не только правом, но и иными социальными нормами, в том числе «нормами *деструктивного содержания* и асоциальной направленности» (с. 82). Кроме того, на с. 307 утверждается, что «совершая преступление, лицо тем самым также осуществляет **правовое** воздействие. Оно заключается в **нарушении** прав потерпевшего и в том, что у правонарушителя возникает позитивная обязанность возместить причиненный вред...» (выделено нами. – А. С.). Указанные явления, разумеется, существуют (см. также с. 357–358), однако описывать их следует, по нашему мнению, с использованием других категорий теории права и государства. А иначе возникает вопрос: каким

образом правонарушение может входить в определение «правового воздействия» или – более широко – какого правопонимания придерживается Л. Н. Берг в том случае, если она настаивает на приведенных положениях о противоправном поведении как элементе правового воздействия?

Кроме того, идея необходимости того, чтобы общественные отношения были «упорядочены не только правом, но и... нормами *деструктивного содержания* и асоциальной направленности» (с. 82), вряд ли может быть воспринята положительно современным правозащитным менталитетом и войти в действующее законодательство и организационную практику (хотя избежать этого не всегда получается даже и сегодня). Истории известны случаи упорядочения общественных отношений при помощи «норм *деструктивного содержания* и асоциальной направленности», когда, например, за любое правонарушение (в том числе мелкое) была установлена смертная казнь или когда практиковалось уничтожение лиц, имеющих родственное отношение к человеку, совершившему посягательство на жизнь представителей высших слоев общества, т. е. лиц с высоким социальным статусом (правителей, прежде всего), когда развязывался массовый террор для утверждения и упрочения политического строя и т.д. Вряд ли такое необходимо сегодня (хотя, к сожалению, возможно и случается, когда серьезным санкциям подвергаются, например, родственники лиц, подозреваемых в терроризме, и т. д.). «Правовое» воздействие и «правовое» регулирование (которое у автора является элементом первого и без кавычек в обоих случаях) при помощи «норм *деструктивного содержания* и асоциальной направленности» может, конечно, привести к кратковременному эффекту, к некоторой внешней «упорядоченности», но, в конечном счете, ведет к уничтожению социальной системы, которая основывается на использовании такого рода норм для «регулирования» своей жизни.

3. Второй раздел и 4-я глава работы открываются верным, с нашей точки зрения, утверждением, что «правовое воздействие – это влияние элементов правовой действительности на социальные взаимоотношения людей, в результате которого достигается урегулированность и упорядоченность социальных связей и отношений» (с. 170). В то же самое время в других фрагментах работы автор включает социальные нормы в правовое воздействие («все средства и элементы, входящие в сложное структурное образование (правовое воздействие) – правовые и иные социальные нормы...», с. 353); в некоторые блоки модели правового воздействия также входят отдельные неюридические компоненты (с. 66–67). Утверждается также, что «правовое воздействие – это сложный многоэлементный состав правовых и социальных явлений» (с. 354) и т. д. Возникает, таким образом, противоречие, которое требует объяснения: либо правовое воздействие – это влияние элементов **только правовой** действительности (о чем автор пишет на с. 170), либо это понятие учитывает (включает) влияние и множества других, неюридических компонентов (о чем автор пишет в других фрагментах работы).

4. В продолжение предыдущего положения и того, что говорилось выше, хотелось бы также уточнить, что если, по мнению диссертанта, правовое воздействие «должно включать такие социальные связи, которые упорядочены не только правом, но и иными социальными нормами» (с. 82), то каким образом можно отграничить собственно правовое воздействие от политического, экономического, нравственного, религиозного и т. п. неюридического воздействия, либо такого разграничения не существует и исследуемая категория не отличается от представленных выше видов неюридического влияния (при помощи разного рода неправовых социальных норм), т. е. верно ли тогда утверждение, что если имеются изменения в правовом поведении, то любые – даже неюридические по своей природе – способы и средства воздействия на поведение людей следует включать в категорию «правовое воздействие»?

5. При анализе правового регулирования автор «соглашается со ставшими уже доктринальными разработками ученых классического правопозитивистского и неклассического правопозитивистского периодов (относительного данного элемента правового воздействия)» (с. 193) и приводит определение С. С. Алексеева: «Правовое регулирование – это осуществляемое при помощи системы юридических средств (юридических норм, правоотношений, актов реализации права и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения в целях их упорядочения, охраны, развития в соответствии с требованиями экономического базиса, общественными потребностями данного социального строя» (с. 194)⁴. Диссертант верно указывает, что правовое регулирование и правовое воздействие – различные понятия. Однако выделенные в рамках инструментального подхода элементы правового воздействия не дают оснований для такого вывода, а именно: правовое установление, правовая охрана и правовая регламентация являются, с нашей точки зрения, средствами (правовое установление) и компонентами правового регулирования прежде всего. Рассмотрение их автором само по себе – достаточно плодотворное и интересное, что не позволяет, однако, отделить их от правового регулирования.

Так, автор определяет правовое установление как *«целенаправленное воздействие на общественные отношения в целях их упорядочения при помощи юридических норм»* (с. 180, выделено нами. – А. С.). Но правовое воздействие или, по терминологии автора, правовое установление – это функция правовых норм. Поэтому при анализе правового установления речь идет, в конечном счете, о юридических нормах, упомянутых в приведенной выше дефиниции правового регулирования, разработанной С.С. Алексеевым, в качестве одного из его юридических средств. Бесспорно, что юридические нормы являются средством, «фундаментом» и правового регулирования, и правового воздействия, т. е. оказывают последнее как в рамках правового регулирования, так и вне его. Вот это-то последнее («вне его») и требует внимательного изучения и анализа: каков механизм правового воздействия вне правового регулирования (как «работает» идеологическое, правовое, ценностно-правовое и другие виды, «каналы» воздействия на поведение отдельного человека, группы людей, всего общества?), каково его отличие от правового воздействия в рамках правового регулирования – по кругу правовых компонентов и средств влияния на общественные отношения (сознание и поведение людей), по их механизму, по процессу, по результатам и т. д.

Далее автор рассматривает правовые установления как элемент правового воздействия (но можно заметить, что они одновременно являются также и средством правового регулирования), которому корреспондируют «юридические средства, представляющие внешние по отношению к воле субъектов факторы. Однако анализ права показывает, что юридические средства следует устанавливать в нормах законодательства более последовательно» (с. 191). Затем анализируются учредительные нормы, которые «используются в рамках нормотворчества и объективируют правовое установление». Для наименования этих норм применяются разные дефиниции: «учредительные», «исходные», «отправные» (с. 192), и они «в основном не включают в себя правил поведения, среди которых обязанности, дозволения, запреты. Не имея представительско-обязывающие свойства, они играют определенную роль: нормы-декларации свидетельствуют о мотивах законодателя при выпуске нормативных актов, нормы-принципы создают источники отраслевого регулирования, нормы-констатации фиксируют узаконенный порядок, нормы-дефиниции обозначают понятия и т. д. Вторая характеристика норм права заключается в том, что структура учредительной нормы не является типичной, следовательно, непросто вычле-

⁴ Алексеев С. С. Общая теория права : курс : в 2 т. – Т. 2. – М. : Юрид. лит., 1982. – С. 289.

нить в ней привычные составляющие (гипотезу, диспозицию, санкцию). Третья характеристика: такие нормы связаны именно с правовым установлением, а не с правовым регулированием, поскольку правовое регулирование осуществляется через регулятивные нормы» (с. 192–193). С последним утверждением согласиться сложно, ибо правовое регулирование осуществляется не только «через регулятивные нормы», как пишет автор, но и дополнительно (вместе, в системе) через охранительные и специализированные (о чем упоминает и сам автор) нормы права, и при этом их взаимодействие носит сложный системный характер (и предполагает потому различные системные сочетания в разных ситуациях). С. С. Алексеев писал, что «в процессе специализации обособляются группы норм, выполняющих те или иные функции при осуществлении правового регулирования... отсюда – необходимость при анализе отдельной юридической нормы видеть ее специализированный характер и учитывать ее связи со многими другими нормами-предписаниями»⁵.

Что касается правовой охраны и правовой регламентации, то, с нашей точки зрения, это – виды правового регулирования прежде всего, и лишь в таком качестве могут быть рассмотрены как элементы (компоненты) правового воздействия. Так, правовая охрана определяется как *«целенаправленное статическое воздействие на общественные отношения, которое осуществляется с помощью специальных юридических средств, с целью недопущения нарушения установленного при помощи юридических норм правопорядка»*. И далее: «Во-первых, правовая охрана реализует статическую охранительную функцию права. Во-вторых, это статическое воздействие можно рассматривать в качестве потенциального государственного принуждения (т. е. «угрозы его применения») в рамках охранительного правоотношения» (с. 202). Право выполняет, как известно, и регулятивную, и охранительную функции. Поэтому вряд ли можно согласиться с необходимостью различать правовое воздействие и правовое регулирование по указанным функциям, даже несмотря на верное указание автора на то, что основное назначение охранительной функции «заключается в превентивной охране общественных отношений, в предотвращении совершения правонарушений» (с. 203).

Правовая регламентация – это *«целенаправленное воздействие на общественные отношения, выраженное в определении процессуальной основы государственно-управленческой деятельности и ее результативности в форме правовых актов»* (с. 228–229). Представляется, что это, прежде всего, важнейшая разновидность правового регулирования, а не компонент правового воздействия, как утверждает автор. Так, С. С. Алексеев писал, что «на основе охранительных правоотношений, имеющих материально-правовой характер, складываются и соответствующие процессуальные отношения, опосредствующие порядок, процедуру применения государственно-принудительных мер юридической ответственности и защиты»⁶.

Разграничение авторского правового воздействия в инструментальном подходе и правового регулирования в традиционном представлении требует, как нам кажется, дополнительных аргументов, иначе возникает некоторое сходство (и порой до степени смешения) между указанными категориями теории права. Да и сам автор допускает иногда подобного рода «сближения», когда пишет, например, что «изложенная теоретическая модель цикла правового воздействия (норма права – правоотношение (юридический факт) – правоприменение – правоприменительный акт – правовая информация – упорядоченная социальная связь) не может быть реализована без какого-либо компонента, входящего в нее, поскольку в этом случае правовое воздействие утратит свойство цикличности» (с. 308). В данном случае, как и в некоторых других, речь идет, скорее и прежде всего, о правовом

⁵ Алексеев С. С. Указ. соч. Т. 2. С. 37–38.

⁶ Там же. Т. 1. С. 285.

регулировании, которое автор в рамках инструментального подхода называет правовым воздействием.

6. В весьма интересном, в целом, фрагменте диссертации, посвященном прогнозированию, Л. Н. Берг не приводит, однако, аргументов в обоснование своей позиции о пределах юридического прогнозирования, к которым, по ее мнению, относится ограниченность его временных границ, когда «максимальным можно признать срок в 15–20 лет» (с. 355). Почему же только 15–20 лет? Известны более длительные прогнозы (например, о перспективах развития континентальной правовой системы в виде перерастания ее в систему мусульманского права в ряде европейских стран и др.), которые представляют порой гораздо больший интерес и одновременно дают возможность социуму «уклониться» от их исполнения при условии восприятия их как нежелательных.

Высказанные соображения носят исключительно дискуссионный характер, не претендуют на истину в последней инстанции и в любом случае не умаляют бесспорной научной ценности и новизны предложенного исследования.

Теоретическое и практическое значение диссертации. Л. Н. Берг разработала и представила основы современной теории правового воздействия, анализ элементов которого способствует решению научной проблемы, имеющей важное социально-экономическое значение для дальнейшего развития государства, а выявленные ею закономерности открывают новые возможности для дальнейшего совершенствования общей теории права и государства, отраслевых юридических наук и юридической практики в целом. Содержащиеся в диссертации теоретические положения могут быть имплементированы в правотворческую, правореализационную и правоприменительную деятельность, могут использоваться в юридическом образовании, а также стать основой для дальнейших научных разработок теории правового воздействия.

Основные результаты исследования и положения, выносимые на защиту, были основательно апробированы на множестве научных конференций и доведены до сведения научной общественности в почти 40 публикациях, включая две монографии (одну – коллективную) и 24 статьи в журналах, рекомендованных ВАК России для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени, а также три статьи на английском языке.

В результате анализа диссертации Л. Н. Берг следует заключить, что она представляет собой единое, целостное исследование, которое отличается высоким теоретическим и практическим уровнем, является самостоятельной и законченной работой монографического характера, обладающей бесспорной научной новизной, достоверностью основных положений и выводов, что свидетельствует о личном вкладе Л. Н. Берг в науку. Автореферат диссертации в полном объеме отражает содержание самой диссертации. Работа написана прекрасным академическим языком, включает схемы и таблицы, в которых отражен анализ доктрины, законодательства и судебной практики. Диссертация Л. Н. Берг на тему «Исследование правового воздействия: методология, теория, практика» представляет собой завершённую научно-квалификационную работу, в которой разработаны теоретические и практические положения, позволяющие решить научную проблему правового воздействия, имеющую существенное значение для развития науки теории права и государства. Работа, безусловно, соответствует критериям и требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям по специальности 12.00.01 (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве).

В предыдущем абзаце представлен вывод, ориентированный на формальные требования известных нормативных правовых актов, однако если сказать короче и проще, то одним из главных достоинств данной диссертации является ее очень высокий уровень методологической проработки – не абстрактный, а конкретный –

на материале избранного предмета исследования. Еще более важно то, что данная работа задает совершенно новый и гораздо более высокий уровень для будущих докторских диссертаций по теории права и государства: после подобного рода текстов станет уже как-то неприлично ограничиваться лишь тем, что в разделе «Методология и методы исследования» будет, как это делалось, в основном, до сих пор, приведен формальный, шаблонный и примерно одинаковый для многих диссертаций список «методов исследования», которые реально не используются и даже не упоминаются далее в работе, а понадобится серьезное и последовательное обоснование – в объеме одного раздела или, как минимум, главы диссертации – того, как работают и как используются автором те или иные методы и подходы в избранной для исследования теме.

Alexey Pavlovich Semitko,

Doctor of Laws, Professor, Dean of Legal Department,
Head of Public Law chair, Liberal Arts University –
University for Humanities (Ekaterinburg).

**A review of L. N. Berg dissertation “Research on Legal Effect:
Methodology, Theory, Practice”**